

Кропоткин - теоретик

Александр Владимирович Гордон

1992

Исключительно богата интеллектуальная и духовная история России прошлого — начала нынешнего века; но даже при этой исключительности Пётр Алексеевич Кропоткин (1842–1921) — учёный и равно революционер с мировым именем — уникальное явление. Уникальна прежде всего, конечно, его биография или шире — судьба. Она привела его, Рюриковича, сына генерала и внука генерал-губернатора, из дворца в аристократическом районе старой Москвы — через Пажеский корпус имперской столицы, леса Сибири и Дальнего Востока, тюрьмы России и Франции, многолетнюю эмиграцию — в чужой заброшенный дом неприметного российского городка, старинного Дмитрова. Судьба, которая от начала до конца была следствием личного, хотя не всегда свободного, выбора!

Не место здесь рассуждать о мотивах революционного выбора; есть биографическая литература, есть воспоминания самого Кропоткина. Главное, это — гуманизм, способность в каждом окружающем видеть человека, сопереживать всем страдающим и угнетённым. Необычайная широта натуры соединяла утончённость и благородство с открытостью. Аристократ по рождению и воспитанию, Кропоткин уже при начале революционной деятельности воспринимался товарищами как «демократ в душе и по привычкам»¹.

Личность оказалась под стать судьбе. При всех превратностях своей жизни, во всех ипостасях своего явления миру Кропоткин оставался самим собой. «В нём учёный, писатель, пропагандист и человек слились в одно гармоничное целое»².

Подобная целостность делала гармоничной даже «странную смесь пророка и учёного»³, особенно поражающую в его облике. Именно это двуединство, присущее не только внешности, но и внутреннему существу Кропоткина, выступает на первый план при анализе его творческого наследия.

Географ и биолог, он становился экономистом, историком, социологом, чтобы с научных позиций обосновать освещавшую всю его жизнь идею освобождения России и идеал нравственного возрождения человечества. С дерзостью путешественника-

¹ Чарушин Н.А. О далёком прошлом. М., 1973. С. 137.

² П.А.Кропоткин и его учение. Интернациональный сборник, посвящённый десятой годовщине смерти П.А.Кропоткина. Чикаго, 1931. С.311.

³ Майский И.М. Путешествие в прошлое. М., 1960. С.132.

первооткрывателя вторгался Кропоткин в заповедные области социальной мысли, точным расчётом естествоиспытателя стремился измерить глубины общественного бытия, горы фактов слагал, чтобы отметить вехи на пути человечества к нравственным высотам. И вместе с тем вносил беспредельную, фанатическую убеждённость революционного пропагандиста в обоснование истинности избранного проекта социального переустройства, с чисто профетической страстью отстаивал справедливость предлагаемого пути.

Весь этот ряд совмещений был далеко не простым. Кропоткин-учёный всю жизнь исповедовал верность факту, абстрактное теоретизирование склонен был отождествлять с «метафизикой» и противопоставлял ему «индуктивный метод», основанный на эмпирических обобщениях. Однако нередко и порой небезосновательно Кропоткина даже близкие ему люди упрекали в тенденциозности. «У тебя есть теория, и ты ищешь факты, которые ты группируешь, чтобы подтвердить свою теорию»⁴, — заметил Кропоткину его старый соратник, к которому он обращался за консультацией при работе над историей Великой французской революции.

Кропоткина можно назвать «революционером в науке» не только по результатам — прежде всего по самим принципам исследовательской работы. Она была парадоксальной в буквальном смысле слова. Пересмотр господствовавших представлений, тенденций, установок — это суть научного подхода Кропоткина. Почти каждый из его трудов может иметь подзаголовок «Критика», идёт ли речь об этике, политэкономии, законах эволюции или теориях социализма. Критика тем не менее всегда носила конструктивный характер, опровержение той или иной теоретической системы выливалось в своеобразную противосистемную системность. Обратившись к политэкономии для обоснования реальности своего идеала гармонического общества и целостно-развитой личности трудящегося человека, Кропоткин выдвигает альтернативные позиции по всем основным пунктам господствовавших экономических теорий. Примату производства он противопоставляет акцент на потреблении, на индивидуальных и общественных потребностях, закону концентрации производства — «закон Кропоткина»⁵ — закон децентрализации промышленности в национальном и мировом хозяйстве, установкам на максимальный рост производства — положение об «экономии сил»; человеческих, в первую очередь, ресурсов. Подобные «перевороты» Кропоткин совершал почти в каждой области знания, которая привлекала его пытливым, социально-ориентированным умом.

При всей конструктивности кропоткинского мышления резко критический настрой нередко приводил к тому, что опровергаемые догматические положения уступали место альтернативным в не менее жёстких формулировках: борьба за существование как основа изменений в животном мире — взаимопомощь; классовая борьба как движущая сила человеческой истории — общественная ассоциация; гегемония государства в обществе и развитии — безгосударственность. Тем не менее важна и как правило остаётся актуальной именно альтернативность, ибо Кропоткин безошибочно указывал на недооцененную тенденцию, на остающуюся в тени сторону

⁴ Цит. по: Далин В.М. Кропоткин — историк Великой французской революции // Кропоткин П.А. Великая французская революция. М., 1979. С.472.

⁵ Хархардин И. Кропоткин как экономист. М., 1922. С.9.

общей картины процесса или явления. Акцентируя их значение, он мог впасть в противоположную крайность, из которой, однако, почти всегда находил выход.

Мышление Кропоткина обладало драгоценным свойством: оно было открыто и для нового знания, и для переосмысления собственного опыта. Обращает на себя внимание кропоткинское понимание категории «закон». Кропоткин сформировался в научной традиции, для которой открытие «естественных законов» представляло самый смысл существования науки. Причём подразумевались не только собственно закономерности природы, но и полагавшиеся столь же абсолютными «естественные законы» развития общества. Кропоткин отдал свою дань подобному механистическому детерминизму, но гибкость его творческого мышления и изначальный трезвый эмпиризм (вспомним крылатое «физика, берегись метафизики») позволяли, в общем, преодолеть узко-детерминистскую колею. «Закон» как бесконечное приближение, как неизбежно неполное и условное формулирование учёным причинных связей в природе и обществе⁶ — таким пониманием Кропоткин обогатил современную ему науку, таким пониманием стремился руководствоваться сам.

Обращаясь к той или иной отрасли общественнознания, к тому или иному разделу общественной мысли, Кропоткин следовал определённом направлению, так или иначе связанному с его общественным идеалом, но оставался верным исследовательскому принципу. Ища подтверждение правильности своей установки, Кропоткин прорабатывал широкий круг специальной литературы, конкретных исследований; собирал порой очень значительный, имеющий самостоятельное значение, фактический материал. В результате перед ним открывалось многообразие интересовавшего процесса, явления, и он так или иначе вносил уточнения в первоначальные установки. Жёсткие формулировки нередко соседствовали с альтернативными положениями. Они не всегда полностью осознавались и обычно не подлежали систематизации, но стойко противостояли превращению у Кропоткина анархистской доктрины в самодовлеющую и закостеневшую схему.

Анархизм, утверждал Кропоткин, открыт «научной критике его основ», так и испытанию их «практической жизнью». В качестве условия признания правоты оппонентов Кропоткин выдвигал лишь использование ими «научного, индуктивно-дедуктивного метода»⁷. В известной антиномии метода и системы у Кропоткина подчёркнуто выдвигается вперёд метод. Однако исследователи серьёзно упрощают себе задачу, когда отождествляют его методологию с тем, что он называет «индуктивно-дедуктивным методом», и ключ к «анархистской методологии» ищут в противопоставлении этого метода диалектике. Противопоставление носит большей частью полемический характер. При преобладании в его сочинениях приёма непосредственных, эмпирических обобщений Кропоткин, несомненно, владел и более логической процедурой, а подход его к важнейшим вопросам бытия и прежде всего к самому процессу познания диалектичен в лучшем смысле слова (трактовка категории «закон» — лишь один из примеров).

⁶ См.: *Кропоткин П.А.* Анархия, её философия и идеал. М., 1906. С.10–11; Он же. Современная наука и анархия. Пб.; М., 1920. С.4–5.

⁷ *Кропоткин П.А.* Современная наука и анархия. С.111.

Глубокое своеобразие мышления Кропоткина в конечном счёте проявляется именно в построении системы знания о предмете, в требованиях, к ней предъявляемых, в способе построения. Это своеобразие связано с сознательным стремлением к поиску альтернативы унитарным и строго иерархическим схемам, ведущий принцип которых был унаследован ново-европейской культурой от христианского монотеизма. «Нигде в природе нет единого управляющего ею центра. Всюду и везде мы видим лишь взаимодействие различных сил, координацию разнообразных движений... Всюду мы наблюдаем лишь взаимодействие, сотрудничество, всеобщую зависимость одних частиц или существ от других»⁸.

Кропоткин при этом ссылаясь на изменение парадигмы естественных и общественных наук. В астрономии вместо центра Вселенной, «управляющего» ею (то ли божьей волей, то ли на основании закона притяжения), внимание сосредоточивается на взаимодействии различных небесных тел. В физиологии единую «одухотворяющую» силу заменяет представление о «федерации органов». В психологии идея «души» заменяется пониманием множественности человеческих способностей. «История, бывшая когда-то *историей царств*, стремится сделаться *историей народов* и изучением личностей. Политическая экономия, бывшая в начале своего существования изучением богатства *народов*, становится теперь изучением богатства *личностей*... Она стучится во все двери — в дворцы и в трущобы, — спрашивая как у богатого, так и у бедного: «в какой степени удовлетворены ваши потребности в необходимом и в предметах роскоши»»⁹.

Создаётся впечатление, что Кропоткин «отрицает факт существования определённых центров систем»¹⁰. Однако отрицание выражается больше в нарочитой огрублённости формулировок и в полемическом пафосе, чем в общем подходе; и суждение о методологическом «антицентрализме» было бы неточным. В создаваемых Кропоткиным системах знания о природе и обществе нет эксцентричности, выявляется такое понимание системы, когда исходно важны все её составляющие и нет заведомо определённого «решающего звена». Кропоткин против иерархии уровней, монополизма Первопричины, предустановленности решающего фактора и т.п. Статическому определению центра, жёстко закрепляемому в категориях типа «бог», «душа» или, например, «государство», он противопоставляет идею «живого центра», т.е. подвижного, динамического, рождаемого взаимодействием всех элементов; идею саморегулирования системы спонтанной гармонизацией присущих ей отношений. От центра, понимаемого как «базис», мышление Кропоткина движется к центру, понимаемому как определённое качественное состояние системы, к имеющему хождение в современной социологии понятию «центральности» (хотя самого термина у Кропоткина ещё не было).

В представлениях учёного-революционера несомненно есть центр, «управляющий» системой знаний о природе и обществе, которая воплощена в совокупности его трудов. Это идеал нравственного прогресса человечества. Анархизм, Коммунизм, Революция, наконец, «биосоциальный закон взаимной помощи» суть различные

⁸ Цит. по: Лебедев Н.К. П.А.Кропоткин. М., 1925. С.68–69.

⁹ Кропоткин П.А. Анархия, её философия и идеал. С.12–13.

¹⁰ Ударцев С.Ф. Кропоткин. М., 1989. С.27.

аспекты этого идеала, элементы его теоретического обоснования, составные части доктрины практического осуществления. Не случайно в последние годы жизни Кропоткин обратился к этическим учениям, не случайно именно «Этика» стала его последним трудом. Не случайно на вопросы о том, какую этику он разрабатывает — «анархическую», «революционную», Кропоткин «всегда отвечал, что его намерение — написать чисто *человеческую* этику». Иногда, добавляет душеприказчик Кропоткина Н.К.Лебедев, П.А. говорил о «реалистической этике»¹¹.

Кропоткин подчёркивал строго научный характер своего замысла. Обобщая вековую мудрость человечества, впитанную великими религиозными учениями, Кропоткин стремился, тем не менее, к нерелигиозной системе. Он искал альтернативу авторитету тех или иных священных текстов, потустороннему абсолюту в реалиях, открытых современной наукой в самой жизни и в природе, и в обществе. Он ссылаясь на — в прямом и переносном смысле — «естественное происхождение не только зачатков этики, но и высших этических чувств»¹², доказывая, что во всех этических учениях так или иначе выражено то, что «дала сперва природа, а затем медленный процесс развития человечества»¹³.

Хотя в построении отдельных частей своей системы Кропоткин не избежал редуционизма, посылом для него было именно избежать редуцирования нравственности «к какому-нибудь одному началу» — будь то религиозное чувство или инстинкт, частный или общественный интерес. По Кропоткину, нравственность — «сложная система чувств и понятий, медленно развившихся и всё далее развивающихся в человечестве». Он выделял в ней три важнейшие части: «инстинкт общительности», понятие справедливости «и, наконец, 3) чувство, ободряемое разумом, которое можно было бы назвать самоотвержением или самопожертвованием, если бы оно не достигло наиболее полного своего выражения именно тогда, когда в нем нет ни пожертвования, ни самоотвержения, а проявляется высшее удовлетворение продуманных властных требований своей природы»¹⁴.

Последнее Кропоткин нередко называет собственно «нравственным чувством», в наибольшей степени отождествляя нравственность именно с ним. Но в построении системы равно важны все три элемента; инстинкт — понятие — чувство. Объединяя их, учёный выходит далеко за пределы заповедей и предписаний, набора ценностей и т.п., с чем обычно ассоциируется мораль. Традиционному выделению её в особую сферу и неизбежному при сем сужению Кропоткин противопоставляет, в сущности, цельное учение об обществе с точки зрения естественного происхождения чувств и понятий, связывающих людей в единое целое.

Этика, история и социология Кропоткина в своём основании имеют единое учение о естественном происхождении и спонтанном развитии норм человеческого общежития. Ведущая роль среди них отводилась самой потребности человека в общественной жизни и способности её организовывать. Вся история человечества в нравственном плане может быть, по Кропоткину, представлена «как развитие присущей человеку потребности организовывать свою жизнь на началах взаим-

¹¹ Лебедев Н.К. Послесловие // Кропоткин П.А. Этика. Пб.; М., 1922. Т.1. С.255.

¹² Кропоткин П.А. Этика. С.15.

¹³ Кропоткин П.А. Справедливость и нравственность. Пб.; М., 1921. С.55.

¹⁴ Там же. С.51.

ной поддержки сперва в родовом быте, потом в сельской общине и в республиках вольных городов»; и «эти формы общественного строя, несмотря на регрессивные промежутки, сами становились источниками дальнейшего прогресса»¹⁵. В итоге, квинтэссенцией развития цивилизации оказывается «постоянное расширение понятий о взаимной поддержке и взаимной защите, от рода к племени, нации и, наконец, международному союзу наций»¹⁶.

Кропоткин в качестве альтернативы государственным формам организации общества (объединявшимся им на соответствующих исторических этапах с церковью и капиталом) разрабатывал и обосновывал принципы иных, высших форм человеческого общежития, утверждение которых отождествлялось для него с нравственным прогрессом. Сублимирующие «инстинкт общительности» «взаимная поддержка» и «взаимная защита», «взаимодействие» и, наконец, «взаимопомощь» выражали суть кропоткинской антигосударственности. В этих специфических понятиях, варьирующих оттенки «взаимности» и самой тщательностью варьирования указывающих на своё общеконцептуальное значение, постулировалось фундаментальное значение в общественной жизни, в истории общества и его организации прямых, не опосредованных государственными институтами (а также церковью, капиталом) отношений между людьми.

Исходным пунктом альтернативы явился социогенез, поскольку в новоевропейской политической традиции авторитарная и универсальная роль государства выводилась из первобытной разобщённости людей, присущих человеческой природе индивидуализма и изоляционизма, и, в итоге, «войны каждого против всех», предотвращение которой становилось исключительной функцией государства, возвышающей его над обществом. Во времена Кропоткина эта традиция получила развитие в социал-дарвинизме, которому русский ученый противопоставил концепцию «взаимной помощи как фактора эволюции». Как естествоиспытатель, Кропоткин признавал универсальность фактора адаптации к среде и значение так называемой борьбы за существование в эволюции животного мира. «Жизнь есть борьба; и в этой борьбе выживают наиболее приспособленные», — повторял автор концепции «взаимопомощи». Но ударение он делал на различии, а затем и противопоставлении двух сторон этой борьбы: «прямой борьбы за пищу и безопасность между отдельными особями» и «метафорической» (по слову Дарвина) — «борьбы, *очень часто совместной*, против неблагоприятных обстоятельств»¹⁷.

Акцентируя значение последней, Кропоткин радикально переосмыслил всю доктрину борьбы за существование: в его интерпретации наиболее приспособленными в этой борьбе оказываются те именно особи и виды, что больше и лучше других проявляют способность к совместным действиям, «Общительность» торжествует, по Кропоткину, над изоляционизмом уже в животном мире и становится естественной основой человеческого общества, начиная с первобытного его состояния. Диалектика взаимодействия различных проявлений социальности такова, что сама борьба

¹⁵ Кропоткин П.А. Этика. С.15–16.

¹⁶ Там же. С.16.

¹⁷ Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса. Пб.; М., 1922. С.68.

«работает» на развитие взаимопомощи, ибо «успех в борьбе и в войне пропорционален развитию взаимной помощи в каждой из двух борющихся сторон»¹⁸.

Следует подчеркнуть — «взаимопомощь» для Кропоткина не только и не столько «преобладающий факт»¹⁹ естественной и социальной истории. Она «преобладает», собственно, в силу своей прогрессивной роли при таком понимании социального прогресса, когда в своих основаниях и критериях тот совпадает с прогрессом нравственным. Она и фундамент прогресса, поскольку «практика взаимной помощи и её последовательное развитие создали самые условия человеческой жизни, без которых человек никогда не смог бы развить свои ремёсла и искусства, свою науку, свой разум, свое творчество». Она оказывается и «двигателем прогресса», ибо «периоды, когда нравы и обычаи, имевшие целью взаимную помощь, достигали своего высшего развития, всегда были периодами величайшего прогресса в области искусства, промышленности и науки»²⁰.

Оспаривая прогрессивное значение «государственных периодов истории» (начиная с абсолютизма) и, специально, связь промышленной революции и научно-технических достижений капиталистической эпохи с «торжеством принципов индивидуализма и конкуренции»²¹, Кропоткин строит две системы доказательств — исторического и этического порядков. И в этическом порядке «взаимопомощь» оказывается абсолютной величиной: сотрудничество между людьми не просто нравственной конкуренции: одно — добро, другое — зло.

Итак, категория «взаимопомощи» имеет не только онтологический, но и аксиологический, ценностный статус. Поэтому утверждать, как делают некоторые исследователи, что в представлении Кропоткина она имела характер общественного закона («биосоциального» или «биосоциологического»), можно лишь условно. И, безусловно, упрощают себе задачу критики, когда, подобно младшему современнику Кропоткина известному социологу Питириму Сорокину, начинают доказывать, что «взаимная помощь» представляет «только один из факторов, вызывающих взаимодействие»²². «Взаимопомощь» вовсе не была для Кропоткина универсальным фактором взаимодействия. Можно сослаться на его прямые заявления, на его неизменное признание «другой стороны». Но ещё убедительней о реализме и самокритичности Кропоткина свидетельствует внутренняя логика концепции, побудившая его выделить в своей этической системе, наряду с «общительностью», ещё два элемента.

Красноречив и исторический план концепции. Если бы «взаимопомощь» представлялась Кропоткину универсальным фактором, линия прогресса человечества выглядела бы в его глазах непрерывной. Однако в различной связи и в различных контекстах высказывая свою точку зрения на историю, Кропоткин неизменно подчёркивал разрывы в поступательном движении, наличие «регрессивных» периодов, наконец, прямое возвращение к началу движения. Рассматривая общество как «очень сложный результат тысячи столкновений и тысячи соглашений, вольных и невольных, множества пережитков старого и молодых стремлений к лучшему

¹⁸ Там же. С.287.

¹⁹ Этика. Т.1. С.13.

²⁰ Кропоткин П.А. Взаимная помощь... С.287.

²¹ Там же.

²² Сорокин П.А. Система социологии. Пг., 1920. Т.1. С.283.

будущему», а не как применение одного «какого-нибудь основного начала»²³, Кропоткин и историю воспринимал как сложный результат взаимодействия различных факторов и противоположных тенденций.

Развитию «традиции» прямых, личностных связей («общительности», «взаимопомощи») и возникающих на их основе «федералистских» форм социальности постоянно противостоит, по Кропоткину, имперско-государственная «традиция», торжество которой кладёт предел восходящей линии цивилизации²⁴. Кропоткин внёс свою лепту в традиционное для европейской общественной мысли противопоставление, придававшее государственности черты Абсолюта (будь то «абсолютное благо» или «абсолютное зло»), но преодолевал жёсткие рамки этой парадигмы. Две ценностно противоположные «традиции» воплощаются в исторически пересекающихся, как он признавал, тенденциях.

«Истинная трагедия истории» заключалась, по Кропоткину, в том, что «учреждения Взаимопомощи, т.е. родовой строй, деревенская община, гильдия, средневековый город... сами... становились помехой прогрессу» и тогда разгоралась «тройственная борьба». «Часть восставших стремились к очищению старых учреждений от чуждых им элементов, или к выработке высших форм свободного общежития, основанных, опять-таки, на началах Взаимной помощи». Другая часть «пыталась просто разрушить охранительные учреждения взаимной поддержки, с тем, чтобы на место их поставить свой собственный произвол, и, таким образом, увеличить свои собственные богатства и усилить свою собственную власть»²⁵. Реформаторы, партия прогресса оказываются расколотыми в отношении будущего для принципа «взаимопомощи», а безоговорочными защитниками её устаревших институтов становятся консерваторы, реакция.

В сущности, само институирование открывает дорогу устареванию, а окостеневая, формы взаимопомощи превращаются в свою противоположность — огосударствляются. Огосударствление приводит к извращению сути взаимопомощи как принципа социальных связей. Замыкая эти связи на себя и прежде всего становясь гарантом отношений взаимопомощи, государство подменяет общество. С «поглощением всех общественных отправлений государством» члены общества освобождаются от «обязанностей по отношению друг к другу». Торжествует «необузданный, узкий индивидуализм»²⁶.

Подчеркнув историческую относительность, проследив деградацию овеществлённых, институированных форм взаимопомощи, Кропоткин оказался способен поставить под вопрос этическую полноценность самого принципа, его самодостаточность. Он указал на «двойную нравственность» как на порок принципа взаимопомощи в его самой элементарной и потому наиболее распространённой разновидности, противопоставляющей солидарности внутри коллектива подчас прямо противоположный способ поведения вне его, отметил фатальность обратно пропорциональной зависимости между расширением с развитием цивилизации круга людей, на кото-

²³ Кропоткин П.А. Современная наука и анархия. С.201.

²⁴ См.: Кропоткин П.А. Современная наука и анархия. С.195–196.

²⁵ Кропоткин П.А. Взаимная помощь... С.10.

²⁶ Там же. С.223.

рых распространяются солидаристские отношения, и интенсивностью последних²⁷. Отметил Кропоткин и тенденцию к своекорыстному использованию внутренней сплочённости в интересах господства над окружающими, к коллективному обособлению ради использования привилегий своего положения, к враждебному противопоставлению одних коллективов другим²⁸. Не употребляя современных терминов, Кропоткин в сущности раскрывал эволюцию отношений взаимопомощи в клановый, классовый, национальный эгоизм.

При всём основополагающем для нравственности и самой социальности значении «инстинкта общительности» автоматическое, «инстинктивное» поддержание отношений взаимопомощи не спасало общество от деградации, а принцип от деформации. К тому же возникшие на разных стадиях общественного развития формы его воплощения не отвечают потребностям нравственного прогресса человечества и расширившимся горизонтам цивилизации. Поэтому Кропоткин ставит вопрос о «новом выражении» принципа взаимопомощи. Оно «уже не будет ни государством, ни средневековым городом, ни деревенской общиной варваров, ни родовым строем дикарей, но, отпавляясь от всех этих форм, будет совершеннее всех их по глубине и по широте своих человеческих начал»²⁹.

Поиски путей к «новому выражению» идеала взаимопомощи приведут в конечном счете человечество, по Кропоткину, к коммунизму. Но исторически и теоретически он допускает нечто вроде переходного периода, которому в принципах общественного устройства должен соответствовать эгалитаризм, а в нравственном отношении — понятие справедливости. Справедливость, по Кропоткину, устанавливается как возмездие — за поправленные человеческие права, социальное угнетение, притеснения сильных мира сего, нищету трудящихся и т.д. — за нарушение во всех разновидностях равенства в широком и в узком (равноправие) смысле термина.

«Справедливость составляет основное понятие в нравственности, так как не может быть нравственности без равного отношения ко всем»³⁰. Одновременно справедливость — понятие историческое. Оно расширяется и уточняется. То, что не вызывало протеста даже передовых мыслителей в недавнем прошлом, например, рабство или крепостничество, под влиянием исторического опыта и пережитых человечеством революционных потрясений становится одиозным, вызывает всеобщее осуждение³¹.

Выявляются и внутренние пределы самого принципа, ибо, подобно «общительности» (взаимопомощи), «справедливость» не самодостаточна в нравственном отношении. «Так как она есть ничто иное, как равенство в обмене услугами, она немногим отличается от коммерческого дебета и кредита»³². Иными словами, в своей позитивной основе это — принцип эквивалентного обмена благами, ценностями и т.п., «честной» торговли, рынка. Но в своей более широкой негативной части «справедливость» выступает как своего рода коррекция, как способность общества к саморегулированию путём выправления возникающих деформаций и как легитимация полного

²⁷ Там же. С.118.

²⁸ См.: там же. С.213–215.

²⁹ Там же. С.128.

³⁰ Кропоткин П.А. Справедливость... С.39.

³¹ Кропоткин П.А. Этика. С.208.

³² Кропоткин П.А. Справедливость... С.40.

переустройства существующей социальной системы (современного Кропоткину капитализма).

Раскрывая корректирующее значение принципа справедливости, Кропоткин по понятным причинам делал упор на революционном отрицании несправедливого общественного строя. Учёный-революционер и революционер-политик, он жил подготовкой революции. Развитие европейской цивилизации, в его представлении, дошло до своего предела и без революционного обновления общества и связанного с ним нравственного очищения, вырождение и гибель её неизбежны. Революция сулила свершение великих идеалов и потому представлялась благодетельной. В публицистике Кропоткина встречается столь хорошо знакомая по многочисленным образцам российской общественной мысли и литературы конца XIX — начала XX вв. революционная патетика; но в целом его творчество являет протест против упрощённого, в том числе ультра-мажорного отношения к революции.

Прежде всего революция — это «великое стихийное явление»³³, которое бессмысленно восхвалять или поносить, как и бессмысленно пытаться предотвратить, если накопление медленных и частичных изменений в обществе подвело к этому пределу. «Революции являются лишь существенной частью эволюции; никакая эволюция в природе не происходит без катастроф, без потрясений. За периодами медленного изменения следуют неизбежно периоды внезапных ускоренных перемен», которые подготовлены этими «медленными изменениями»³⁴. Кропоткин-естествоиспытатель логично для себя применяет к социальному процессу тот эволюционный взгляд, который господствовал в естествознании. Более того, и конкретный образ революции (той, свидетелем которой ему довелось быть) складывается по типу природной катастрофы, стихийного бедствия. Она «творит ужасы. Она разоряет всю страну. Она в своём бешеном остервенении истребляет людей: потому она и есть революция, а не мирный прогресс, что она ломает не глядя, что она губит и куда идёт»³⁵.

С этих позиций Кропоткин оспаривает теории руководства революцией и распространённые представления о возможности управления ею. Правящая партия, писал Кропоткин о большевиках в ноябре 1920 г., «уже не правит, а её несёт течение, которое она помогла создать, но которое теперь уже в 1000 раз сильнее её»³⁶.

Вместе с тем Кропоткин отнюдь не исключал значения революционной организации и революционного сознания, дал свою оригинальную версию революционного субъекта. Уже не как естествоиспытатель, а как историк и социолог, автор классического труда о Великой французской революции и деятель российского и европейского революционного движения, Кропоткин размышлял об альтернативности и ставил вопрос о вариантах революционного действия — «либо обновляющая, либо разрушающая, либо разрушающая и обновляющая катастрофа»³⁷. Всё зависит, по его убеждению, от трёх факторов — смелости революционной мысли, подготовительной

³³ Кропоткин П.А. Что делать? // П.А.Кропоткин и его учение. Интернациональный сборник. Чикаго, 1931. С.202.

³⁴ Кропоткин П.А. Век грядущего. М., 1925. С.49–50.

³⁵ П.А. Кропоткин и его учение... С.203.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С.202.

работы политических организаций перед революцией и зрелости революционного субъекта в момент её свершения.

Главное в революции — огромная «построительная», по любимому слову Кропоткина, работа самих масс, для выполнения которой требуется творческий дух и понимание задачи, энергия и внутренняя дисциплина. Поэтому его очень беспокоило, что в революционных кругах «принято смотреть на революцию как на великий праздник, во время которого всё устроится к лучшему само собой»³⁸. Знаменитая бакунинская фраза «Дух разрушения есть в то же время созидательный дух» порой появлялась в качестве эпиграфа перед произведениями Кропоткина; но он разделял две стороны революционной деятельности и делал акцент на созидании.

Отношение к «духу разрушения» было у Кропоткина глубоко двойственным и проникнуто той высокой мудростью, что смешана с печалью. С социальной революцией связано представление о возмездии, о восстановлении попранной справедливости, и это неустранимые элементы его доктрины общества, основанного на началах нравственности. Как историк и как политик, знакомый с настроениями масс, он понимает, что в революции не может не найти выражения дух мщения угнетенных. И «никто не имеет права читать народу нотации и наставления. Только тот, кто сам выстрадал столько, сколько выстрадал народ, имеет право голоса»³⁹. На исторических примерах Кропоткин доказывает, что «народный террор, это — террор отчаяния и ответ на всё угнетение и презрение правящих классов»⁴⁰, результат многовекового воспитания народных масс в ненависти к врагам (среди других народов), в презрении к человеческой жизни, воспитания прямым физическим подавлением и «легальным возмездием»⁴¹.

Представляя всю сложность задачи, Кропоткин тем не менее настаивал на возможности преобразования народного духа мщения в созидательную работу. Гибельной для революции он считал альтернативу возведения народного мщения в «государственный принцип», политизацию его в рамках террора новых властей «во имя революционной идеи»⁴². Такой террор «куёт цепи для народа». Он «губит индивидуальную инициативу, которая и есть душа революции»; он увековечивает диктатуру верхушки нового правящего класса и «подготавливает почву для того, чтобы наименее добросовестный из них добился власти»⁴³.

Кропоткин не указал, да и не искал какого-то спасительного средства. Он не принимал идею обеспечения успеха революции посредством классовой диктатуры и тем более диктатуры партии, даже вооруженной передовой теорией. Он отвергал сам принцип представительства как в парламентской, так и в непарламентской разновидности, включая диктатуру революционной организации, ибо, по его убеждению, которое он обосновывал ссылками на опыт якобинской диктатуры, революционеры, становясь функционерами, замыкаются, подобно неревлюционной бюрократии, на собственных интересах, вместо того, чтобы выражать интересы тех, кого они

³⁸ Кропоткин П.А. Век грядущего. С.87.

³⁹ Там же. С.59.

⁴⁰ Там же. С.61.

⁴¹ Там же. С.60.

⁴² Там же. С.61.

⁴³ Там же. С.66, 67.

призваны были представлять. Субъектом революции, по Кропоткину, может быть только сам народ и народ в целом. Задача революционных организаций (именно во множественном числе, поскольку, выделяя своих единомышленников, идейный вождь анархистов никак не исключал сосуществования других объединений, стоящих на революционных и социалистических позициях) не заменить народ в его волеизъявлении, а помочь ему выразить свою волю, просветить её, содействовать самоорганизации масс в осуществлении переустройства общества.

Главное место в сочинениях Кропоткина занимает сама программа переустройства, точнее, её принципы, из которых, можно сказать, методологическое значение имеет сочетание радикальности с реализмом. Подчёркивая радикальность своей программы, Кропоткин имел в виду последовательное распространение принципа социализации и на экономику, и на политику. Связь здесь выглядела обоюдной: обобществление производства и потребления подразумевало исключение государственного вмешательства, а безгосударственность — обобществление политической сферы. Формы такого безгосударственного обобществления, или безгосударственной социализации Кропоткин стремился, в соответствии с постулированным принципом реализма, найти в самой жизни, т.е. в рамках существовавшего общественного строя.

Вполне в духе господствовавшей революционной традиции Кропоткин противопоставлял революцию и реформу: «реформа — всегда компромисс с прошлым; она всегда довольствуется большим или меньшим его изменением; между тем, как революция порождает руководящую идею для будущего»⁴⁴. Но можно утверждать, что, разрабатывая свой революционный проект, Кропоткин соединял оба подхода, точнее — избегал их метафизического противопоставления. Его диалектика опиралась на эволюционизм: революция выступала завершением предшествовавшей эволюции и прокладывала дорогу новому этапу последней. Поэтому он считал, что проект революционных преобразований должен основываться «на изучении направлений, уже обозначающихся в обществе в его теперешнем развитии»⁴⁵. Поэтому он отстаивал необходимость преемственности, необходимость прежде всего сохранения и расширения того «драгоценного ядра привычек общественности»⁴⁶, которое существует в недрах старого общества. Поэтому, наконец, он находил в этом последнем готовые формы, институты, которые, являясь воплощением «привычек общественности», могут стать прототипами социальной организации будущего общества.

В поле зрения Кропоткина в связи с этим попал широкий круг разнообразных добровольных ассоциаций, откликающихся на потребности всего общества и решающих общественные задачи без помощи государства: научные и технические общества, благотворительные объединения, службы спасателей и т.п. Обратил он, разумеется, внимание на развитие кооперации, особенно сельской, и на муниципализацию, или коммунализацию сферы обслуживания в городах. В ряду протоформ новой социальности Кропоткин отметил и новые элементы в деятельности капиталистических компаний, которые привлекли его сочетанием общественных потребностей и частной инициативы.

⁴⁴ Там же. С.15.

⁴⁵ Кропоткин П.А. Современная наука и анархия. С.49.

⁴⁶ Кропоткин П.А. Анархия. С.45.

Все эти социальные явления фиксировались в плане приближения к новому строю общества, который должен был утвердиться в результате революции и который именовался Кропоткиным «коммунизмом». Следовательно, неизбежен вопрос о корректности термина. Сам Кропоткин подчёркивал, что, употребляя этот термин, имеет в виду «экономическую организацию» общества, которая обеспечит общее благосостояние членов общества и тем самым создаст условия для «полного развития личности»⁴⁷. Кропоткин полагал такую организацию наиболее экономной в отношении использования трудовых ресурсов и, допуская широкое разнообразие форм организации труда, делал упор на общественном характере потребления. Особое значение он придавал резкому росту производительности труда благодаря применению машин и внедрению новых технических знаний. Именно переворот в технике, промышленная революция и позволили, по Кропоткину, перевести в практическую область вопрос о развитии личности всех членов общества, а не только привилегированной её части.

В сущности, это был вопрос вопросов и социологии, и этики Кропоткина. Отстаивая принципы «общительности» и справедливости, проследившая их зарождение в ранних формах социальности и развитие их в средневековую эпоху, Кропоткин отождествлял эти элементы нравственности с коллективизмом, который противопоставлял индивидуализму. Еще жёстче, естественно, было это противопоставление применительно к буржуазному обществу. Вместе с тем Кропоткин отмечал в истории «постоянное присутствие двоякого стремления: с одной стороны — *общительности*, а с другой — к вытекающей из неё большей интенсивности жизни, а следовательно и большего счастья для *личности*»⁴⁸. «В человеческом обществе, — подчёркивал он, — самоутверждение личности тоже представляет элемент прогресса»⁴⁹. Констатируя, что господствующим началом буржуазного общества является «начало личной свободы», Кропоткин видел в нём залог прогресса и «надежд на будущее»⁵⁰. Наконец, коммунизм ассоциировался для него с синтезом обеих тенденций.

Вдохновляясь идеалом сильной, всесторонне развитой, целостной личности, счастье которой в полнокровной социальной жизни, Кропоткин мечтал о распространении своего идеала и духовном, нравственном подъёме на этой основе всего общества. В настойчивых размышлениях над условиями реализации гуманного социального проекта возникла анархо-коммунистическая доктрина. В её центре замена вертикальной организации общества системой горизонтальных связей, подчинения — соглашениями, субординации — координацией. Обосновывая реальность подобной альтернативы, Кропоткин разработал цельное учение, где доказывал органичность для человеческого общества естественных принципов социальной организации (типа «общности» — *Gemeinwesen*, по Марксу) и их актуальность для современной цивилизации в новых формах профессиональных, кооперативных и особенно территориальных объединений.

Нравственность соединяет цель и способ существования идеального общества, поскольку законы замещаются обычаями, наказание — воспитанием, администри-

⁴⁷ Кропоткин П.А. Современная наука и анархия. С.141.

⁴⁸ Кропоткин П.А. Этика. С.17.

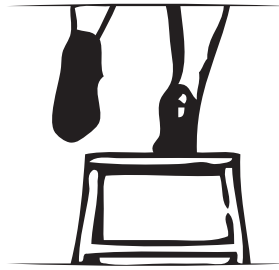
⁴⁹ Кропоткин П.А. Взаимная помощь... С.286.

⁵⁰ Кропоткин П.А. Современная наука и анархия. С.202–203.

рование — привычками. Стабильность такого общества достигается благодаря постоянному обновлению, отсутствию предустановленности, созданию условий для развития всех тенденций. Глубоко веря в свой идеал, Кропоткин считал, что он может осуществиться лишь естественным путём свободного движения общества, выражением воли всех его членов.

Автор благодарит Вячеслава Алексеевича Маркина за стимулирующее воздействие и душевную поддержку.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Александр Владимирович Гордон
Кропоткин - теоретик
1992

Сохранено 29 августа 2018 из <http://oldcancer.narod.ru/150PAK/01-01Gordon.htm>
Кропоткин — теоретик // Труды Комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина.
— М., 1992. — Вып. 1. — С. 10–33. О взаимовлиянии социологических,
естественнонаучных и философских построений в творчестве П.А. Кропоткина.

ru.theanarchistlibrary.org